

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИТОГИ АВГУСТА 2014 Г.

С.Жаворонков

В августе т.г. российские власти объявили о замораживании накопительных пенсий и на 2015 г., что ранее отрицали – решение, чреватое многочисленными долгосрочными негативными последствиями, начиная со стимулов получать легальные заработные платы. Обостряется конкуренция за средства Фонда национального благосостояния (ФНБ) между многочисленными претендентами – прежде всего, российскими государственными компаниями и банками, испытывающими сложности с рефинансированием долга из-за финансовых санкций США и ЕС: в этом месяце крупные суммы вложены в привилегированные акции ВТБ и «Россельхозбанка», а руководитель «Роснефти» И. Сечин запросил у Правительства 1,5 трлн руб. Военный конфликт на востоке Украины чреват дальнейшей эскалацией, а так как дипломатического пути его решения пока не найдено, то, значит, – и новыми санкциями стран ОЭСР против России.

В августе состоялись серьезные экономические дискуссии в Правительстве РФ по ряду принципиальных вопросов (прежде всего, по пенсионной системе), были введены ответные ограничения на торговлю со странами, ранее ограничившими торговлю с Россией, а в конце месяца резко обострилась ситуация на востоке Украины, где появились российские военнослужащие, – и вслед за этим, общая международная обстановка.

5 августа в Воронеже состоялось заседание Госсовета, посвященное пенсионной системе (Госсовет – совещательный орган, состоящий в основном из губернаторов). По-видимому, там – в отсутствие большинства членов правительства – и были приняты решения об отмене накопительной пенсии на 2015 г. и введении санкций против ряда стран ОЭСР, объявленных на следующий день. Решение об отмене накопительной пенсии на 2015 г. противоречит ранее звучавшим заверениям российского правительства¹ и вызвало публичный демарш заместителя министра экономического развития С. Белякова, выступившего с резкой критикой этого решения и отправленного в отставку. Ранее, при принятии решения о заморозке накопительной пенсии на 2014 г., объяснялось, что вклады в НПФ необходимо застраховать, а сами НПФ подвергнуть проверке и акционированию в целях предотвращения возможных банкротств и потерь. Уже тогда высказывались опасения, что главная цель правительства – это передача этих накоплений в бюджет и их трата, а также предотвращение дальнейшего

массового перехода граждан из государственного ВЭБа, управляющего накоплениями «молчунов»². Так, например, была существенно затруднена подача новых заявлений (теперь это может сделать только гражданин лично, в то время как ранее мог НПФ), резко увеличилось количество отказов в силу неверного их оформления и т.п. Таким образом, ежегодно государство изымает сумму около 250 млрд руб. из НПФ – сумму, с одной стороны, значительную, с другой, – в масштабах государственного бюджета и даже пенсионной системы ничего не решающую. Опасения подтвердились – правительство и дальше планирует использовать этот способ мобилизации доходов. Более того, вице-премьер О. Голодец и министр труда М. Топилин высказались за полную отмену накопительных пенсий, хотя, по их словам, речь не идет о конфискации чуть более 1 трлн руб., уже существующего в накопительной системе (фактически же, это был бы шаг в той же логике). Не вдаваясь в подробности расчетов³, какая система выгоднее (такие дискуссии ведутся и в мире, и не во всех странах, как и в России, прирост накоплений опережает инфляцию), важно обратить внимание на два момента. Первый носит

2 По оценкам НАПФ, около 27 млн человек к настоящему времени выбрали НПФ в качестве управляющего, причем их число стремительно увеличивалось – более половины сделали этот выбор в 2012–2013 гг.

3 Например, согласно исследованию «Инвестиционные риски институциональной среды системы обязательного пенсионного страхования РФ. Сравнительный анализ по странами ОЭСР» Уральского федерального университета, Лаборатории конкурентной и антимонопольной политики Института анализа предприятий и рынков НИУ ВШЭ и Российского государственного профессионально-педагогического университета, в России минимальная доходность, но и минимальный риск для пенсионных накоплений, что является довольно логичным сочетанием.

1 Так, еще в декабре 2013 г. Д. Медведев утверждал, что правительство не планирует их отмены, а в июле 2014 г. руководители Министерства финансов и Министерства экономического развития России говорили, как о свершившемся факте о восстановлении накопительной части пенсий в 2015 г.

политический характер – власти пренебрегают ясно высказанным мнением большого числа граждан: они могут ошибаться, но, очевидно, не забудут этого сюжета при формировании отношения к правительству. И второй момент: пенсионная чехарда (это уже вторая крупная реформа буквально за год) подрывает стимулы граждан к получению легальных заработных плат, что ранее считалось одним из достижений правительства – доходы от НДС и социальных взносов стали самой крупной статьей доходов бюджета в 2013 г., опередив ранее лидировавшие сырьевые доходы (НДПИ и экспортные пошлины). Следует предположить, что граждане ответят на нее уходом в тень, а не какими-то личными инвестициями в негосударственную пенсионную систему. Окончательное решение, видимо, планируется вместе с формированием очередного проекта бюджета Правительством РФ в сентябре 2014 г.

В качестве ответа на санкции против России наша страна ввела ответные санкции, запретив поставки из США, ЕС, Канады, Австралии и почему-то Норвегии (которая до введения российских санкций не присоединилась к европейским экономическим санкциям) широкой группы продовольственных товаров. Сам выбор продовольствия, которого в развитом мире существует избыток, в качестве сферы для контрсанкций весьма логичен. Кроме того, сельскохозяйственные производители, особенно в Европе, являются хотя и не очень многочисленной, но весьма активной лоббистской группой. Дополнительным плюсом становится то, что в условиях фактической девальвации международных обязательств РФ по ВТО Россия может заместить некоторые виды продукции, которые производятся в России, но которым приходится конкурировать с серьезно субсидируемым европейским импортом – прежде всего, овощами и мясом птицы. Однако стоит вспомнить и другие обстоятельства: к примеру, так как импорт свинины из ЕС был прекращен еще в марте в рамках «санитарных санкций»¹, а своей свинины Россия в достаточном объеме не производит, то за полгода рост цен составил почти 20% – примерно столько же, сколько составляла доля европейской свинины. Очевидно, что если даже начать энергично и правильно действовать завтра, ни за год, ни за два невозможно исправить ситуацию в таких сферах, как производство говядины или садоводство, где производ-

1 Безусловно положительным является признание политического характера действий российских властей в данном вопросе и прекращение похожей на клоунаду практики объезда вчера полезных товаров вроде «боржоми» сегодня вредными, завтра – опять полезными и т.п.

ственный цикл составляет многие годы, и было бы значительно логичнее не вводить «самосанкции» против своего потребителя, подойдя к выбору товаров для санкций более избирательно. Кроме того, с экономической точки зрения чувствительность этих санкций для разных стран ЕС разная. Для некоторых она серьезная (в процентном отношении существеннее всего для Литвы, где экспорт в Россию составил 20% экспорта, из них 40% – экспорт продукции сельского хозяйства), для некоторых – осязаемая (Финляндия, Польша, Латвия), для некоторых – близкая к нулю, например, для Германии доля экспорта в Россию составляет 3,8%, из них продукции сельского хозяйства – 0,4%. Кроме того, эти страны занимали позицию разной степени жесткости по отношению к России (как противоположный пример – Финляндия и Польша). Более логично было бы введение санкций против конкретных стран, а не всего ЕС. Наконец, России следует оценить возможные санкции уже против России в сфере сельского хозяйства, способные нанести ей особенно существенный урон, так как по семенам и биотехнологическому материалу мы сильно зависим от импорта. То есть, например, если ЕС введет запрет на экспорт в Россию семян картофеля, то производство в России, казалось бы, «русского» продукта просто рухнет. Так, например, эту ошибку уже признали сами российские власти, запретив импорт норвежского лосося – и в эту же товарную группу попали мальки лосося, которые, как оказывается, тоже импортируются из Норвегии. То есть без этой страны не получится и заменить импортное производство российским – в итоге запрет на импорт мальков лосося через две недели был отменен. Печально, что в попытке «выровнять» ситуацию на потребительском рынке, которая за прошедший месяц благодаря наличию старых запасов пока существенно не изменилась, власти говорят о каком-то контроле над ценами, вместо того, чтобы решать давно существующую проблему дефицита складских мощностей для хранения растительной продукции или проблему дефицита торговых площадей в крупных городах², делающих возможным сверхконцентрацию поставок в них крупными производителями, способных выдерживать непростые условия работы с сетями, дефицита и дороговизны торговых площадей.

Реакция на санкции стран ЕС сейчас сложно спрогнозировать. Одни руководители (например, Венгрии и Словакии) публично высказались против эскалации санкционной войны, другие (например,

2 В Москве обеспеченность составляет порядка 800 кв. м на 1 тыс. чел., что ниже в 2 раза европейских крупных городов и в 3 раза – американских.

Великобритании) считают это правильной стратегией, которая не принесет немедленных выгод, но долгосрочно будет полезна как средство лишения России ресурсов на разного рода геополитические комбинации. Видимо, при отсутствии урегулирования на Украине дальнейшие санкции против России неизбежны, так как немногие страны, выступающие против их введения, сами зависят от дотаций ЕС (как это, например, показал опыт с Болгарией и «Южным потоком»). Магистральным направлением могут бы дальнейшие финансовые ограничения на заимствования государственных компаний и России как государства, а также сокращения закупок российских энергоресурсов в той мере, в какой это физически возможно. Российские власти, видимо, задумаются об ограничениях на ввоз промышленной продукции, что потенциально является еще большей опасностью «самосанкций», так как российское производство имеет низкий уровень локализации, и говорить о легкости замены на продукцию, например, из Турции и Аргентины не приходится.

Хотя российский бюджет как таковой не испытывает пока серьезных проблем, проблемы с замещением европейского и американского финансирования становятся серьезным источником обострения лоббистской конкуренции за государственные ресурсы. В августе, например, произошли публичные дискуссии о необходимости перераспределения инвестиций ФНБ с уже принятого проекта расширения БАМа и Транссиба (первая часть которого является весьма спорной, а вторая – бесспорной в связи с дефицитом пропускных мощностей и спросом на них) в пользу других инвестпроектов на Дальнем Востоке, что предлагает МинВостокразвития России. Премьер-министр Д. Медведев подписал постановление о приобретении за счет средств ФНБ привилегированных акции ОАО «Банк ВТБ» и ОАО «Россельхозбанк» на общую сумму 239,04 млрд руб. – что, очевидно, связано с введенными против них финансовыми санкциями. А руководитель «Роснефти» И. Сечин запросил сразу 1,5 трлн руб., т.е., фактически, половину всех денег ФНБ, что вызвало удивление в Правительстве РФ, учитывая наличие у «Роснефти» на ее счетах 684 млрд руб. В дальнейшем И. Сечин разъяснил, что средства нужны на развитие, и, в принципе, не трагедия, если правительство всей требуемой суммы не выделит. Однако объявленная готовность привлечь китайские госкомпании в капитал Ванкорского месторождения (выходящего в этом году на проектную мощность, т.е., собственно для самого месторождения значительные капиталовложения не нужны) показывает, что трудности государственных компа-

ний с рефинансированием долга стали очевидны уже за месяц санкций. Для властей России в этой ситуации главным остается избежать пути таких стран, как, например, Венесуэла: растратить все деньги на «перспективные проекты», затем начать деньги печатать, а после в условиях инфляции прибегнуть к регулированию цен и фактически получить коллапс экономической системы.

Украинская армия после июльских успехов в боях с формированиями самопровозглашенных Донецкой (ДНР) и Луганской (ЛНР) республик, в ходе которых ей удалось взять под контроль большую часть территории и вплотную приблизиться к Донецку и Луганску, в августе серьезно забуксовала: кроме видимого дефицита вооружения сказался ее тактический просчет – рывок вдоль тонкой линии границы с целью восстановления контроля над ней, – что привело к окружению и тяжелым потерям в частях, оказавшихся в окружении. Тем не менее, стратегически положение «республик» оставалось тяжелым – фактически, на вытянутом участке от границы с Россией до Луганска и Донецка их связывало лишь несколько дорог. Потому в конце августа «республики» перешли в контрнаступление в сторону Азовского моря, демонстрируя обилие солдат и техники. Обвинения в сторону России в поддержке «республик» звучали и раньше¹, но в конце августа в плен попало 10 человек дислоцированной в Костроме 98-й воздушно-десантной дивизии, комитеты солдатских матерей в России обнаружили пропажу находящихся на учениях в Ростовской области солдат, в Пскове же были найдены свежие могилы военнослужащих. Пленные были объявлены заблудившимися и обменены на украинских военнослужащих. Все это произошло фактически одновременно со встречей В. Путина и П. Порошенко в Минске, на которую возлагались значительные надежды на политический прорыв, но которая прошла фактически безрезультатно, с обсуждением лишь второстепенных вопросов обмена пленными и доставки в зону конфликта гуманитарной помощи. Не был урегулирован и газовый вопрос, несмотря на призывы заинтересованных в этом властей ЕС к обеим странам прийти к компромиссу. Дипломатические позиции сторон остаются пока взаимоисключающими: Россия требует достичь политических договоренностей (конкретно их не обозначая), причем не с самой Россией, а с непризнанными республиками, Украина же полагает, что достаточно амнистии тем гражданам Украины, кто не совершил тяжких преступлений,

1 Россия их неизменно отвергала, отмечая, что охватывать могут исключительно граждане России – частные лица, а их оружие захвачено у украинских военных.

и стороной конфликта считает именно Россию. В этом случае мы видим, как несложно понять, разрыв легитимности – т.е. не определен не то что предмет возможных переговоров, а даже статус их участников. Сами консультации, впрочем, продолжаются. На этом фоне обращает внимание на себя решение саммита ЕС 30 августа, лидеры стран-участниц которого пытаются выступить в роли посредников в разрешении конфликта. Фактически, единственное, что теоретически может устроить обе стороны, – это идея введения «жизнеспособного режима прекращения огня», т.е. замораживания конфликта в той стадии, в какой он находится. Документ также содержит поручение рассмотреть в течение недели (впрочем, срок зависит от ситуации) дополнительные санкции против России, включая автоматическое внесение всех связанных с «народными республиками» лиц в санкционный список ЕС.

Динамика развития конфликта, при которой контуры договоренностей пока не просматриваются, делает реальными дальнейшую его эска-

ляцию и переход в стадию прямых военных действий между Россией и Украиной, в случае чего Украина может получить уже не только экономическую, но и военную поддержку некоторых стран НАТО (требующий единогласия устав НАТО вряд ли сделает возможным решение всего блока). Во всяком случае, в августе на это намекал генеральный секретарь НАТО А. Расмуссен в своих статьях и публичных выступлениях. Это может привести ситуацию к затяжным военным действиям с теми же последствиями для экономики России, как в настоящее время для более слабой экономики Украины, – экономическому спаду, концентрации государственных расходов на военных нуждах при дефиците средств для выполнения социальных обязательств или государственных инвестиций, форсированному бегству капитала. В этом смысле замораживание конфликта на нынешней стадии было бы предпочтительным вариантом, если никакого компромисса между Россией и Украиной достичь не удастся. ●